
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Андрей Ставцев
(г. Москва)

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Родился в 1983 г. в г. Орле. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Живет и работает в Москве. В «Приокских зорях» публикуется впервые.

ДВЕ ПТИЦЫ

Как летели из-за моря,
Где сады так заманчивы,
В наши степи холодные,
В наши страны тоскливые,
Как летели две птицы,
Как летели две птицы,—
Как одна из них белая,
А другая-то — черная...
Как спустились к водице
Из двух русел напиться —
Как одна из прозрачного,
А другая из мутного...

Ключевую водицей
Занедужила птица,
Занедужила белая —
И заплакала черная:
Ей лететь-торопиться,
Да не бросить сестрицы,
И не вылечить милую,
И приблизиться боязно...

Нам, как двум этим птицам,
Нынче плакать и биться,—
Больше небо бессильное
Нас не милует ласково...

Так уж водится исстари,
так уж в мире устроено:
Птицы белые — гибельны,
Птицы черные — плачущи.

* * *

Я катался в красных трамваях
И желаньем чуда томился,
Я оглядывался на лица,
Все пытаюсь найти одно...
Заходил я в божью церковь —
Как уютно она сияла!
Видел свадьбу и слышал певчих,
Но ее не нашел нигде.

А потом спешил к остановке
Меж домов простых, деревянных,
Где старухи, блины и сказки.
Где-то здесь бродили и мы...
В церкви служит добрый священник,
Отвечает всем на вопросы.
Ах, священник, милый священник,
Как же мне ее отыскать?

ГОГОЛЯ И ДОСТОЕВСКОГО

Неподалеку от места, где улица Гоголя
Пересекается с улицей Достоевского,
Где проходят две трамвайные линии,
По которым навстречу друг другу идут трамваи,
Есть небольшая церковь,—
В ней крестили меня младенцем.

Через семнадцать лет я туда вернулся:
Многое было с ней связано —
Надежды на жизнь лучшую, вечную,
И на будущее мое, несбывшееся...

Дай нам, Господи, радость сердечную, тихую,
Отлучи нас от мрака, любящий Господи,
Руку свою протяни детям, блуждающим по миру,
Грезящим на перекрестке Гоголя и Достоевского.

ОТРЫВОК

Есть в городе вечернем красота:
Как будто неразгаданная тайна,
Возникшая из детства золотого,
Пытается найти себе название...
Я в это время, если это летом,

Ценю троллейбус светлый и пустой,
Ползущий по намокшим остановкам
Неторопливым золотым жуком,
Когда в стекле оконном проплывают
Витрины, кровли, окна, фонари —
Чужие и прекрасные. Я помню,
Как мне, как будто в огненном бреду,
Явился старый контролер однажды
И предложил билет в один конец
С возможностью сходить на остановках.
Там каждая была — особый мир,
В котором можно было поселиться,
Желание имея, но в итоге
В конечном пункте, места не найдя
Себе по сердцу, должен был остаться
Несчастный странник... Странно, до сих пор
Я мучаю себя вопросом: кто он?
И где теперь найти его смогу?
И что скажу, приму ли предложение?..

* * *

Скрип качелей, дрожанье листка.
Лед сверкает в холодном огне.
Хрупизна ледяного мостка
Через лужу к обтертой стене.

Трепыханье пожухлой травы
У подножия чахлых кустов.
Высота и хрусталь синевы
Сквозь неверный налет облаков.

Полукругом сирени паук
Обежал вокруг заснеженных пней
И в сцепленьи немислимых рук
Пляшет танец корявых теней.

Звонко капли летят с гаражей,
Из-за крыш поднимается дым —
И бежит, как по блеску ножей,
По остывшим березам седым.

ЧЕТЫРЕХСТОПНЫЕ ЯМБЫ

1

Цыгане, церкви, избы, реки,
Над ними старые мосты,
Дороги, взрытые навеки,
Березы, хвоя и цветы —
Все неразгаданная тайна,
Чудесный страннический плот,
Закономерно и случайно
Берущий душу в оборот.

Мой древний край, мой край родимый,
Ты весь — готовность к высоте.
Какой восторг необъяснимый
В твоей высокой красоте!

Пусть душат слезы неотступно
Твоих чудесных дочерей,
Пусть боль с любовью совокупно
Живут, водою не разлей,

Пусть каждый знает обреченность
На холод, злость и нищету...
И все же — как мила влюбленность
В твою великую мечту,

В твои страдальческие звезды,
В твои великие посты,
Непрочно слаженные гнезда
И деревянные кресты!

2

Я не показываю вида,
Считаю, зубы сжав, до ста...
Но как чиста была обида,
Как неприкрыта и чиста!

Избрав молчание опорой,
Я к вам поднялся на этаж,
И те же были разговоры,
Разнuzданность и пошлость та ж.

Но злая девушка сидела
От вашей шайки в стороне,
В окно осеннее глядела
И что-то видела в окне.

К всему живому отвращенье
Я на лице ее читал —
Одно угрюмое презренье
В глазах, рождающих металл.

И я почувал, огорченный,
В глухом страдании моем
Прилив любви неразделенной
И к ней, и к миру за окном.

3

Люблю часы уединенья
Под лампой в комнате пустой.
Воздушной гостьей дорогой
Сюда заходит вдохновенье.

И здесь гостит оно незримо:
Поет, волнуется, грустит,
В мечтах приобретая вид
Всего, что невозстановимо.

Отсюда слышен шум домашних —
Земной, крикливый, тяжкий шум,
Но я к ним глух, жилец всегдашних
Несвязных сумеречных дум:

От взора здесь не оторвутся
Мои волшебные леса —
В них происходят чудеса
И бесконечной цепью выются.

Но что все время хороводит
По потухающим лучам?
Что прозревающим глазам
На смену зрению приходит?

И кто я — отголосок дней,
И не моих, и непонятных,
Или вместилище невнятных,
Неименованных теней?

* * *

Вот полотно двора с традициями окон:
Фонтан угрюм и тих в унынье одиноком.
Огни ларька пивного там же, где вчера
Мне блещут сквозь туман пустынного двора.

Не слышно детворы. Как призрак, встал автобус.
С одышкой тишина вращается, как глобус.
Проходит наркоман, безумье затая...
О ты, мой край чудес! О родина моя!

НА ПРОЩАНИЕ

1

Любимая, зачем, на память приходя,
Ты снова строишь дом без одного гвоздя —
Воздушный замок тот, которому не сбыться?
Забывтое давно никак не пригодится,
Как ржавый образец монеты не в ходу.
Я долго до тебя под знаменем «Найду!»
Отважно воевал... И вот — ты мне явилась.
Ты воплотила все, что грезилось и снилось,
Но удержать никак с тобой мы не смогли
Ни красоты небес, ни радостей земли.

Мне снова кажется, что я — не я, а ты.
 Я снова навестил березы и цветы,
 Высокий твой подъезд и третий твой этаж.
 Я здесь по вечерам бродил, бессонный страж,
 По этой клетке лестничной, глядел в окно,
 Где было все — огни, где было все — темно...
 Вселенной тишина дышала мне в лицо,
 В какой-то лучший мир мне грезилось крыльцо,
 И пела благодать, и, светлые лучи
 В себе соединив, я сам пылал в ночи...
 Я чувствовал — а что?.. Теперь не передать.
 Прости, самим собой я снова должен стать.
 Но кем бы я ни стал, мне вечно будет нов
 Твой дом и твой район — окраина миров.

БАШМАЧКИ

Григорию Шувалову

Лавки тусклые с запахом кожи,
 Отчего вы так странно похожи
 На прибежище вечной души?
 Знаю: в полночь, как свет зажигают,
 Феи здесь башмачки примеряют,
 Как ночные цветы, хороши...

И смеются... Я думаю, можно
 У витрин постоять осторожно
 И, таясь, наблюдать их игру.
 Колокольчик хрустальный-хрустальный,
 Не тревожь его, станешь печальный
 И наверно заплачешь к утру...

Мне хотеться всего перестало,
 И теперь я прошу очень мало:
 Верить в то, что из кожи моей,
 Из ночной и тоскующей кожи
 Справит мастер когда-нибудь тоже
 Башмачки для смеющихся фей.

* * *

Когда я в комнату ввалюсь,
 Сорвав тугие двери с петель,
 Увижу: день в окошке светел...
 Пристыженный, остановлюсь
 И, меж сидящими людьми
 Поймав два-три усталых взгляда,
 Услышу: «Эй, зайди как надо.
 Да сбегай плотника найми».